

Гоудань схватил Ван Сюаня за руку и потащил на улицу — поглазеть на очередную заваруху. В доме Чжицина снова вымещали злобу на бабе. И откуда только прыть берется в такой собачий холод?

Впрочем, у них это дело привычное: из шестерых братьев четверо колотили своих жен по очереди — то один приложится, то другой. Двое младших так и ходили бобылями. Видать, насмотрелись на это непотребство и побоялись девок в избу вести. Да и кто в здравом уме отдаст дочь в такое пекло? Чай, девки нынче не на помойке найденные.

Мать братьев, старая карга, позабыв про стужу, уселась прямо на порог. Хлопая себя руками по бедрам, она истошно выла на всю улицу, но если прислушаться — не столько плакала, сколько костила невестку на чем свет стоит. Соседи лишь брезгливо кривились. Все в деревне знали: сыновья хватались за вожжи чаще всего с подачи этой самой старухи. Ее притворные причитания ни у кого сочувствия не вызывали — люди лишь плевались втихомолку.

Само по себе рукоприкладство Гоуданю не нравилось, а вот завывания бабки он слушать любил: она заливалась соловьем, выдавая такие витиеватые рулады без единой запинки, будто на сцене в театре представление давала. Чжицин и его братья были мужиками в летах, хотя по деревенскому родословию приходились Гоуданю сверстниками — одного с ним колена. Вот Гоудань и звал его просто по имени, без чинов.

К тому времени, как мальчишки прибежали к дому Чжицина, драчуна уже оттащили. Его жена лежала, съжившись, на грязном, истоптанном снегу. Кажется, она потеряла сознание. Вокруг нее, разинув рты, редела детвора, сливаясь в жутком хоре с причитаниями бабки. Окружающие глядели на это безучастно. Деревенские ко всему привыкают — и к доброму, и к худому.

Гоудань презрительно фыркнул. Он терпеть не мог таких мужиков, как Чжицин, но и его хваленых сыновей, которые приходились Гоуданю племянниками, тоже не уважал. Парней в доме — мал мала меньше, целая орава. Вцепились бы в отца зубами да ногтями, глядишь, и не дал бы он матери такой трепки. Старший-то их на целых два года старше самого Гоуданя! А толку? Стоят и режут. Чего выть-то попусту?

Гоудань высказал эти мысли вслух, негромко толкнув Ван Сюаня в бок. Ван Сюань вздохнул и тихо отозвался:

— Жалко их... Не все же такие отчаянные, как ты. Обычные дети боятся взрослых, они же куда сильнее.

Сам А-Сюань помнил, как дрожал перед дядей и теткой. Сколько обид и тумачков ему пришлось снести в их доме — и ведь терпел, не смея пикнуть. Это теперь, прожив бок о бок с Гоуданем, он и сам понемногу научился пускать в ход кулаки.

Несколько баб подхватили бесчувственную женщину под руки и поволокли в избу. Старший сын Чжицина, утирая сопли, заметил среди толпы зевак Гоуданя и Ван Сюаня. Должно быть, ему стало невыносимо стыдно, что они видели его слабость, и он злобно зыркнул на ребят.

Гоудань лишь ухмыльнулся в ответ.

«И чего вылупился? На меня злобу вымещаешь? Был бы ум — дождался бы, пока твой папаша захрапит, да огрел его обухом по хребтине, чтобы неповадно было мать калечить. Трус бесхребетный».

— Ироды, прости господи, — запричитала какая-то кумушка в толпе. — Совсем бабу за человека не считают.

— Да уж, — поддакнула другая. — Живого места на ней не осталось. Забьет ведь когда-нибудь до смерти, попомните мое слово.

Бабы сокрушались, но дальше праздного сочувствия дело не шло. Чужая семья — потемки. Ну разнимут их разок-другой, не позволят пришибить до смерти, а дальше-то что? К тому же старая карга, мать Чжицина, баба была ядовитая и крикливая, связываться с ней никто не желал. Кому охота лезть в чужое болото ради чужой девки?

— Даню-то мать — сирота горемычная, — вздохнула третья баба. — Мачеха ее еще девчонкой за Чжицина со двора сжила, почитай, продала за бесценок. А теперь, как ни прибьют ее, хоть бы один из ее сводных братьев да сестер заступился. Хоть бы нос из своей деревни высунули! Сердца у людей каменные.

— И не говори! — подхватила товарка. — Но хуже всех старая ведьма. У сына и так характер бешеный, а она, вместо того чтобы утихомирить, только дрова в огонь подбрасывает. Тьфу, срам да и только!

— Так и надо, что двое ее младшеньких до сих пор без жен маются! Кто же к ним пойдет? — злорадно припечатала первая.

Мужики в этой семье все как один славились буйным нравом, а уж четверо женатых братьев колотили своих баб почем зря. Но в деревне дураков не было — все прекрасно понимали, чья рука направляет эти побои. Без науськивания старой ведьмы тут точно не обходилось.

— Жалко Даню, — тихо проговорил Ван Сюань, когда они побрели прочь.

Ему действительно было не по себе. Отец А-Сюаня хоть и сбежал, а мать от тоски наложила на себя руки, но в его памяти они никогда не дрались. Даже в семье дяди все было иначе: там, скорее, тетка Хэймэй могла огреть дядю А-да ухватом, чем наоборот.

— Жалеть его еще! — фыркнул Гоудань. — Забыл, как он на нас зыркал? Будь я на его месте, дождался бы ночи и переломал папаше ноги. Посмотрел бы я, как он тогда запрыгал бы!

— Не мели чепухи, — покачал головой А-Сюань. — Если отец станет калекой, кто на них работать будет? Кто их кормить станет? У него же мал мала меньше братьев да сестер.

Для огромного внешнего мира их деревня была лишь песчинкой, но страстей и драм здесь кипело не меньше, чем в столице. Кто-то жил душа в душу, а кто-то изо дня в день хлебал горе полной ложкой. В таких глухих углах люди, случись беда, могли сплотиться и стоять друг за друга горой. Но стоило тучам рассеяться, как из всех щелей снова лезли мелкая злоба, зависть да сплетни. Маленькая деревня была точным слепком с большого мира, и скрытых течений в ней хватало.

Классы по ликвидации безграмотности, которые устраивали каждые пару дней, собирали всю округу. Пользы от них, правда, было мало: бабы судачили о своем, мужики лениво раздавали тумачи бегающей под ногами детворе, а старики присматривали женихов да невест для своих чад. Если семьи сговаривались, то ладили дело к весне — засылали сватов. Если не сходились — продолжали поиски. За долгую зиму тут успевало случиться столько нелепых скандалов и некрасивых историй, что скучать деревенским точно не приходилось. Скука и зима в Сикане были вещами несовместимыми.

Ли Сы отработал на строительстве плотины всего неделю, после чего вернулся домой. В следующий раз путевку на общественные работы ему могли дать года через два, не раньше. С его возвращением вольница для мальчишек закончилась: теперь они не смели средь бела дня доставать припасы из своего пространственного кармана. Даже Ван Сюань больше не рисковал усаживаться на кане по-турецки, чтобы спокойно толочь целебные травы в ступке.

Ли Сы не обижал сироту и с тех самых пор, как забрал его в дом, ни разу не повысил на него голос. И все же Ван Сюань отчетливо понимал, что живет из милости, под чужой крышей. Он старался вести себя тише воды ниже травы, боясь доставить лишние хлопоты. Прошрое и сиротская доля не позволяли ему дурачиться и вольничать так, как это делал Гоудань.

Впрочем, Гоудань во все свои затеи неизменно втягивал названного брата. Всю зиму мальчишки были неразлейвода — куда один, туда и другой.

Весна подкралась незаметно, пока все ждали ее прихода. Стоило на миг отвернуться, а она уже тут как тут: у кого-то за домом проклюнулись первые нежные почки, а вчерашние ледяные дороги за одну ночь превратились в непролазную топь.

Деревенской малышне слякоть и холод были нипочем. Промочив и извазюкав худые башмаки, они сбрасывали их и шлепали босиком прямо по талой жиже. Гусиная кожа шла по телу, пальцы синели от холода, а руки покрывались зудящими цыпками, но детвора лишь весело скалилась. Правда, если такой замарашка попадался на глаза строгому отцу, дома ему неизбежно устраивали хорошую порку.

Лишь с приходом весеннего тепла по-настоящему чувствовалось начало нового года. Зима с ее

главным праздником — Чуньцзе — для бедняков мало отличалась от серых будней. Разве что в чашках появлялось чуток жирной подливки да пара кусочков мяса. Какие уж тут празднества, когда в карманах свистит ветер?

Но весна — дело другое. С ней пробуждалась земля, обещая скорое пропитание. Прошлый год выдался неурожайным, и многие семьи едва сводили концы с концами. Глядя на ораву вечно голодных, просящих каши ребятишек, отцы и матери ночами не смыкали глаз от тяжких дум.

На ветвях еще едва наметились первые клейкие листочки, а лес уже звенел на все голоса. Птицы, воспрянувшие после зимней спячки или только вернувшиеся из теплых краев, беззаботно радовались теплу. Гоудань крался среди кустов бесшумно, пригнувшись к самой земле. Резина его самодельной рогатки была натянута до предела. На поясе у него уже болтались три безымянные пичуги — висели вниз головой, с пробитыми метким выстрелом головами.

За зиму малый заметно вытянулся, ноги его стали длинными, сухими и жилистыми. Теперь он бежал так быстро, что мог наперегонки тягаться с зайцами. Он скользил между стволами легко и бесшумно, точно лесной зверёк.

Ближе к полудню серое небо посветлело. Весеннее солнце, увязшее в плотной пелене туч, отчаянно пыталось пробиться наружу, посылая на землю редкие косые лучи. Но даже этого скупого тепла хватало, чтобы пожухлая трава потянулась вверх, а лесные обитатели начали осторожно выбираться из своих нор.

Ван Сюань уже наполнил доверху обе корзины сочной молодой зеленью. Гоудань, знавший тайгу как свои пять пальцев и лазавший по кручам не хуже обезьяны, завел его в такие дебри, куда обычные деревенские ребятишки соваться боялись. Дикая зелень здесь росла густо, стебли были толстыми и мясистыми.

Ван Сюань посмотрел на свои руки и подумал, что случись ему сейчас провалиться в тот заброшенный колодец у старого храма, он бы не стал плакать от бессилия, а легко выбрался бы сам.

К полудню воздух так и не прогрелся, и от долгой ходьбы по сырому лесу у Гоуданя из носа потекли прозрачные ручьи. Парень лишь небрежно утерся рукавом, ничуть не заботясь о простуде.

— А-Сюань, глянь чего приволок! — крикнул Гоудань, подбегая.

Ван Сюань поднял голову от корзины и прищурился:

— Крыса? Да нет, не похожа...

— Какая крыса! Это белка! — гордо перебил его Гоудань. — Видишь, крупнее мыши, и хвост вон какой пушистый. Она живая, я ее только оглушил слегка. Попрошу отца сплести клетку из прутьев, будем дома держать.

— А кормить ее чем? — засомневался Ван Сюань.

— Да всем подряд. Травой, корешками, шишками... Ну и зерна можно сыпануть горсть.

Ван Сюань промолчал.

«Какое еще зерно? — тоскливо подумал он. — Сами впроголодь живем, потому и по лесу с корзинами рыщем, что запасы к концу подходят».

В доме было три рта, а рабочие баллы зарабатывал один дядя Ли Сы. К тому же у них жили две собаки — Дагуай и Сяогуай. Дядя Ли Сы их терпеть не мог, вечно ворчал, что от псов никакого толку, один расход продуктов. Даже если кормить их одними обедками... Откуда весной взяться обедкам? Ван Сюань всякий раз урывал для них крохи с собственного стола, замирая от страха, что его поймают за этим занятием.

Если дядя Ли Сы увидит, что псам скармливают человеческую еду, непременно разозлится. Людям жрать нечего, а они тут собак балуют — чистая глупость и ребячество.

— Не надо ее оставлять, — качнул головой А-Сюань. — Не прокормим мы ее. Давай лучше обдерем да зажарим. Все-таки мясо.

— Ладно, — легко согласился Гоудань. — Бельчатина — штука сытная, пальчики оближешь.

Гоудань отвязал от пояса птиц и бросил на траву. Ван Сюань разгреб зелень в корзине, уложил добычу на дно и тщательно присыпал ее свежими листьями, чтобы чужой глаз ненароком ничего не углядел.

— Гэ, ты теперь вон какой ловкий стал, — с уважением произнес Ван Сюань. — И зайца перегонишь, и белку поймаешь. Значит, скоро у нас всегда мясо будет?

— Вряд ли, — вздохнул Гоудань. — В ближнем лесу дичи почти не осталось, а соваться в дикую глухомань на гору Красной Вершины отец строго-настрого запретил.

Ван Сюань спорить не стал — и то верно. Да и грех жаловаться: раньше они только и умели, что гнезда разорять да в лужах вьюнов ловить. А теперь Гоудань и зайца может добыть, и рябчика подстрелить, если повезет встретить. Да и сам А-Сюань в лекарском искусстве преуспел, его мази и порошки с каждым разом получались все лучше.

Если посмотреть на деревенских сверстников — они какими были сорванцами, такими и остались. А вот они с Гоуданем будто переросли их. Ван Сюань больше не чувствовал себя нахлебником; он приносил в дом пользу.

«Вот вырастем, — мечтательно подумал он, — и за собак больше бояться не придется. Будем кормить их досыта».

Свадьбы в деревне играли обычно зимой или в самом начале весны. Зимой крестьянам делать особо нечего, да и молодуху в дом привести к Новому году — милое дело. Весной же сама природа звала к обновлению: птицы вили гнезда, звери искали себе пару, да и человеку негоже было оставаться одному.

Сразу в нескольких дворах Сиканя затевали торжество. В семьях, где подрастала куча ребятишек, праздники гремели каждый год: то дочку выдают, то сына женят. Как бы бедно ни жили, а на пару столов угощение всегда соображали. Если не хватало припасов, собирали всем миром — одалживали у соседей по горсти риса да муки. Да и гости шли на пир не с пустыми руками, каждый нес в узелке зерно или сушеные овощи в подарок молодым.

Родственники и близкие друзья с утра суетились во дворе: кто столы расставлял, кто посуду мыл. Такие деревенские застолья выходили куда душевнее и веселее, чем строгие «революционные свадьбы» в уездном городе.

Вот и сегодня Гоудань ухитрился пробраться на очередное пиршество и утащить для себя и Ван Сюаня по куску жирной свинины и миску тушеного тофу с диким луком. Как ему это удавалось — одному богу известно, но голодным этот проныра не оставался никогда.

Впрочем, хозяева дома весельем не лучились. Заметив их хмурые лица, Гоудань поспешил увести Ван Сюаня подальше, пока их не выставили со двора пинками. Зачем нарываться на брань под горячую руку?

Браки между городской образованной молодёжью и местными крестьянами уже никого не удивляли. Кое-кто даже спал и видел, как бы заполучить в дом образованную невестку или зятя из города. Однако после того, как мать Ван Сюаня наложила на себя руки, деревенские поостыли и стали подходить к выбору пары с умом. Одной лишь смазливой мордашки теперь было мало. Смерть молодой женщины оставила глубокий шрам; отношения между старожилками Сиканя и поселением образованной молодёжи сделались натянутыми, полными взаимных упреков и недоверия.

Семья, у которой они только что гостевали, как раз брала в дом девчонку из городских. Юной горожанке несладко приходилось в деревне: изнурительный труд на полях, вечный недоед, а главное — полная безысходность. Не выдержав тягот, она решила, что замужество станет для нее спасением. Старики-родители долго упирались, не желая такой невестки, но их оболтус уперся рогом — подавай ему городскую красавицу, и все тут! Да еще и глупо хорохорился: «Я

мужик, чего мне бояться? Даже если сбежит потом, я ничего не потеряю».

Смирившись с упрямством сына, родня рассудила по-своему: «Баба — она и есть баба. Выйдет замуж, принесет в подоле ребеночка — куда она денется? Чай, не девкой чистой будет, чтобы нос воротить. Захочет сбежать — да кому она с дитем нужна будет? Придется ей до конца дней вековать в деревне».

С такими мыслями старики и дали благословение. Правда, если бы их собственная дочь вздумала выйти замуж за городского юношу из образованной молодёжи и уехать с ним, отец бы ей точно ноги переломал.

<http://bllate.org/book/19654/1996698>